

Православный Собъяснитель

25 АПРЕЛЯ 2018

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
ВЛАДЫКИ
КОРНИЛИЯ

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛ ВЫРАЗИЛ СОБОЛЕЗНОВАНИЕ В СВЯЗИ С КОНЧИНОЙ ПРЕДСТОЯТЕЛЯ ЭСТОНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ МИТРОПОЛИТА ТАЛЛИНСКОГО И ВСЕЯ ЭСТОНИИ КОРНИЛИЯ.

Священному Синоду, архипастырям, пастырям, монашествующим и мирянам Эстонской Православной Церкви

ПРЕОСВЯЩЕННЫЕ ВЛАДЫКИ, ВСЕЧЕСТНЫЕ ОТЦЫ, ДОРОГИЕ БРАТЬЯ И СЕСТРЫ!

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

В эти пасхальные дни, когда мы прославляем Победителя смерти Христа, закончился земной путь одного из старейших иерархов Русской Православной Церкви — Митрополита Таллинского и всея Эстонии Корнилия.

Вся жизнь покойного была посвящена служению Богу и людям. Родившись в семье полковника царской армии, будущий владыка прошёл нелёгкий путь от псаломщика до Предстоятеля Эстонской Православной Церкви.

За многие годы трудов на ниве Христовой он неизменно стремился со тщанием и усердием исполнять все возлагаемые на него Священноначалием послушания, старался быть *делателем неукоризненным, верно преподающим слово истины* (2 Тим. 2:15).

В далёком 1945 году он принял священный сан и более 70 лет предстоял Престолу Божию, вознося молитвы и проше-

ния *о всех и за вся*. То были нелёгкие времена гонений на Церковь, когда нужно было иметь не только крепкую веру и решимость свидетельствовать о Христе

Распятом и Воскресшем, но и мужество пострадать за свои религиозные убеждения. Не миновала эта чаша и покойного: ещё будучи священником, он

был арестован и отбывал заключение в мордовских лагерях.

В 1990 году Господь сподобил его принять благодать епископства. Занимая Таллинскую кафедру, владыка немало потрудился во благо Святой Церкви, а посему снискал любовь духовных чад, клира и паствы, признание общественности. Особые его усилия были направлены на утверждение канонического Православия в Эстонии, на сохранение людей в лоне Церкви Христовой.

Выражая соболезнование всем вам в связи с кончиной Преосвященного Митрополита Корнилия, возношу молитвы к Богу об упокоении его души в обителях небесных.

Вечная память новопреставленному служителю алтаря Господня.

С любовью о Христе
Воскресшем

+КИРИЛЛ,
ПАТРИАРХ
МОСКОВСКИЙ
И ВСЕЯ РУСИ

19 апреля 2018 года отошёл ко Господу Митрополит Таллинский и всея Эстонии Корнилий. Промысл Божий непостижим. Человеку нереально познать всю глубину Господнего замысла, но, наделив человека свободой выбора, Бог не оставил Митрополита Корнилия, следовавшего всю жизнь за Ним – на Пасхальной неделе в солнечный день душа нашего дорогого Владыки отошла ко Господу. 40 дней со дня кончины Митрополита Корнилия падает на 28 Мая – День Святого Духа. Великий Праздник! Господь ещё раз показал, что большой молитвенник за всех нас Митрополит Корнилий – Угодник Божий!

Корнилий, Митрополит Таллинский и всея Эстонии (Якобс Вячеслав Васильевич)

Родился 19 июня 1924 года в Таллине, в семье полковника царской армии, после революции оказавшегося в Эстонии. В 1943 году окончил гимназию и служил псаломщиком в церкви Рождества Богородицы в Таллине. 19 августа 1945 года архиепископом Таллинским и Эстонским Павлом (Дмитровским) рукоположен во диакона. 8 февраля 1948 года епископом Таллинским и Эстонским Исидором (Богоявленским) рукоположен во иерея и назначен настоятелем храма

Марии Магдалины в Хаапсалу. В 1951 году заочно окончил Ленинградскую духовную семинарию. В 1951-1957 гг. состоял в клире Вологодской епархии. 27 февраля 1957 года УКГБ Вологодской области был арестован за «антисоветскую агитацию» (хранение книг религиозного содержания, беседы с верующими). 16 мая 1957 года Вологодским областным судом осуждён по статье 58-10 ч. I УК РСФСР на 10 лет. Заключение отбывал в политических лагерях в Мордовии (Дубравлаг). 12 сентября 1960 года по определению Верховного суда срок снижен до 5 лет. По решению Верховного суда Мордовской АССР от 7 сентября 1960 года,

освобождён условно-досрочно. Реабилитирован 14 октября 1988 года. В ноябре 1960 года вернулся в Эстонию и был назначен настоятелем храма Иоанна Предтечи в Таллине. 20 июля 1990 года, на первом заседании Священного Синода под руководством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II был назначен епископом Таллинским, викарием Святейшего Патриарха. 21 августа 1990 года пострижен в монашество в Успенском Псково-Печерском монастыре с именем Корнилий, 6 сентября 1990 года возведён в сан архимандрита. 15 сентября 1990 года хиротонисан во епископа Таллинского в Александро-Невском ка-

федральном соборе. Хиротонию совершили Патриарх Московский и всея Руси Алексий, митрополит Гельсингфоргский Тихон (Финляндская Православная Церковь), епископ Тамбовский и Мичуринский Евгений, епископ Подольский Виктор и епископ Новгородский и Старорусский Лев. В связи с решением Священного Синода о предоставлении Эстонской Православной Церкви автономии стал Предстоятелем Эстонской Православной Церкви с титулом епископ Таллинский и всея Эстонии. В 1995 году возведён в сан архиепископа. 6 ноября 2000 года возведён в сан митрополита Таллинского и всея Эстонии.

ОБРЕТШИЙ ВЕЧНОСТЬ

*Земля от света повернёт во тьму,
И ветер северный меняется на южный.
Я ничего с собою не возьму,
И потому мне ничего не нужно.
Что было прежде, будет и потом,
Что было сотворённым - сотворится.
Сегодня смех, веселья полон дом,
А завтра всплачет тот, кто веселится.
В моря из рек текут потоки вод,
Чтоб облаками возвратиться в реки.
Приходит род, и вновь проходит род,
И только Ты господствуешь во веки.
Восходит солнце и зайдёт опять,
Чтоб воссиять по-новому над тьмою.
Мне ничего не страшно потерять,
Будь только Ты, Царю царей, со мною.
Всему под небесами свой черёд,
Своя пора и время всякой вещи.
Блажен, кто эту истину поймёт,
Но преблаженнее - обретший Вечность...*

Иеромонах Роман (Матюшин)

22 апреля в Таллине в Александро-Невском Соборе Божественную литургию, а затем чин отпевания совершили председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата Митрополит Волоколамский Иларион, председатель Учебного совета Русской Православной Церкви архиепископ Верейский Евгений, Епископ Нарвский и Причудский Лазарь, Епископ Елгавский Иоанн, Епископ Маардуский Сергей, собор духовенства.

В храме молилась Игуменья Филарета(Калачёва)с насельницами Пюхтицкого монастыря.

В числе собравшихся в храме были мэр Таллина Таави Аас, вице-мэр эстонской столицы Михаил Кылварт, архиепископ Эстонской Евангелическо-Лютеранской церкви Урмас Виильма, архиепископ-эмеритус ЭЕЛЦ Андерс Пыдер, Чрезвычайный и Полномочный посол России в Эстонии А.М. Петров, Чрезвычайный и Полномочный посол Белоруссии в Эстонии А.А. Степуть, Митрополит Стефан и Епископ Илия (ЭАПЦ Константинопольского Патриархата).

Перед началом отпевания, зачитав соболезнование Святейшего Патриарха Кирилла в связи с кончиной Митрополита Таллинского и всея Эстонии Корнилия, Митрополит Волоколамский Иларион, обращаясь к присутствовавшим в храме, сказал:

«К словам нашего Первосвященителя и отца, Предстоятеля Русской Православной Церкви, я хотел бы добавить несколько слов от себя. Мы сегодня вспоминаем жен-мироносиц – тех женщин, которые ранним утром в день, который мы теперь называем воскресеньем (а тогда он назывался днем солнца), в первый день недели пришли на гроб Иисуса Христа, чтобы помазать Его тело ароматами. И они задавали себе вопрос: кто отвалит камень от двери гроба?»

Всякий раз, когда умирает близкий нам человек, мы задаем себе тот же самый вопрос: кто отвалит этот камень от двери гроба, кто скажет нам о том, что жизнь земная не кончается смертью, кто отворит для усопшего врата вечности? Мы знаем из святого Евангелия, что когда женщины пришли к месту, где положили тело Учителя, они увидели, что камень отвален от гроба и ангел сидит на камне, они услышали чудесную весть о том, что Господь Иисус Христос воскрес. Предстоя ныне перед гробом усопшего, мы окружаем этот гроб молитвами и знаем, что как Христос воскрес и открыл путь к воскресению для всякой плоти, так воскреснет и всякий человек, умерший на этой земле.

Один из проповедников сказал

незадолго до своей смерти: «Когда я умру, не печальтесь обо мне – я просто поменяю адрес, я перейду из одного состояния в другое». Так происходит с каждым верующим во Христа, который переходит в небесную обитель: он меняет свой земной адрес на Небесное Отечество. Он преходит от этой земной многоскорбной и многотрудной жизни к той жизни, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания.

Жизнь покойного Высокопреосвященнейшего Митрополита Корнилия была наполнена трудами и скорбями. Он стал священнослужителем в том году, когда закончилась Великая Отечественная война, и нес свое служение – сначала диаконское, потом священническое, а потом и епископское – на протяжении более семидесяти лет. В 1990 году, будучи уже человеком зрелым, он стал епископом и возглавил Эстонскую кафедру.

В жизни владыки Корнилия жизни были тяжелые испытания. Незаконным судом он был приговорен к исправительным трудовым лагерям и несколько лет провел в горьких работах, но потом по милости Божией был освобожден и продолжил свое священническое служение. В 90-е годы, когда Церковь по всей Святой Руси возрождалась, он был свидетелем

и участником возрождения церковной жизни на Эстонской земле. Но и здесь его ждали многочисленные скорби, которые он претерпевал так, как это и подобает доброму воину Христову. Господь даровал почившему долгую жизнь, Митрополит Корнилий пережил многих своих собратьев по священству и по архиерейству. Бог хранил его до того дня, когда было угодно Ему забрать Своего верного служителя в Небесные обители.

Сегодня мы будем провожать Преосвященного Митрополита Корнилия в последний путь. Но это не прощание и не оплакивание – наши молитвы будут наполнены радостью о Воскресении Христовом и надеждой на то, что Господь призовет Своего верного служителя в

обители Небесные. «В доме Отца Моего обителей много» (Ин. 14. 2), – сказал Господь Иисус Христос, и мы верим, что одна из этих обителей уготована для новопреставленного Митрополита Корнилия.

Вознесем сейчас горячие и сугубые молитвы о упокоении его души, о том, чтобы Господь простил ему все человеческие немощи и прегрешения и вселил его душу в Свою небесную славу. Аминь».

Похоронили почившего Митрополита Корнилия на Александро-Невском кладбище Таллина рядом с могилами архиепископа Павла (Дмитровского) и епископа Исидора (Богоявленского).

Литию над могилой совершил Митрополит Волоколамский Иларион.

+++++

«Да будет воля Твоя» (Мф. 6. 10)

Весенние дни пасхальной радости омрачило известие о скоропостижной кончине предстоятеля нашей самоуправляемой Эстонской Церкви Московского Патриархата Митрополита Таллинского и всея Эстонии Корнилия. Господь благоволил принять его в Свои Небесные Чертоги на 94 году жизни. Прожив долгую и насыщенную событиями жизнь, Митрополит Корнилий стал свидетелем важных и судьбоносных событий, изменивших ход мировой истории. Родившись в семье офицера царской армии, будущий Митрополит своими глазами видел, как тяжёлым катком прошла Вторая Мировая война, и буржуазная Эстония, лишившись своей независимости, вошла в состав Советского Союза. В годы хрущевских гонений на Церковь он разделил печальную участь многих священнослужителей, оказавшись по сфабрикованному делу в заключении, приобретя тем самым исповеднический опыт. В юном возрасте приняв сан, Митрополит в течение 70 лет предстоил Престолу Божию, совершая богослужения, проповедуя, поддерживая немощных, вразумляя малодушных. Призвание к высокому архиерейскому

служению совпало с событиями крушения советской державы, непростыми 90 - ми, возрождением независимости Эстонской Республики. На долю Митрополита выпало формировать жизнь Эстонской Православной Церкви после плачевных событий разделения, когда здесь образовалась структура Константинопольского Патриархата. Всем сердцем переживая эти печальные события, Владыка положил много сил для укрепления единства и поддержания мира во вверенной ему Церкви. Имея столь богатый и разнообразный жизненный опыт, старец Митрополит был всегда открыт для общения, с готовностью помочь откликнулся на вопрошания молодых клириков. Важной чертой покойного была любовь к богослужениям. Когда годы начали сокращать жизненную силу, подтачивали недуги, Митрополит, как мужественный воин Христов, не покидал храм Божий до последнего момента. Превозмогая немощь, находился рядом с Престолом, совершал Евхаристию. Ценил почивший и соборные службы, справедливо видя в совместном причащении Тела Господня реализацию и видимое

осуществление единства. Подкрепляемый Божественной благодатью «немощная врачующей и оскудевающая восполняющей», Митрополит был полон внутренней силы и, простирая свой взор в будущее, хотел реализовать множество планов. Господь судил иначе. Кончина Митрополита, возглавлявшего Эстонскую Православную Церковь Московского Патриархата долгие 28 лет, не оставила равнодушной не только верующие сердца, но отозвалась сопереживанием у людей далёких от религии. Причиной тому, безусловно, была простота, естественность, доступность

и интеллигентность, которая так свойственна была почившему в соприкосновении с миром людей. Мы знаем, что его светлый образ надолго сохранится в сердцах всех тех, кто знал его, служил с ним и работал.

В эти дни, наполненные болью разлуки, призываю всех вас, православные братия и сестры, молиться об упокоении новопреставленного Митрополита Корнилия, дабы Господь даровал ему Свое вечное блаженство и радость предстояния Небесному Престолу.

Лазарь,
Епископ Нарвский
и Причудский

«ИМЕЛ НЕПОКОЛЕБИМУЮ ВЕРУ В БЛАГОЙ ПРОМЫСЛ БОЖИЙ»

Ушел из жизни видный иерарх Православной Церкви. Видный своей жизнью во Христе, стоянием в Истине, верностью Матери-Церкви, видный своим исповедничеством в годы гонений на Церковь и своей любовью к богослужению. Во многом под его влиянием сформировался дух современной Эстонской Православной Церкви, служению которой в священном сане он посвятил более 70-ти лет своей жизни. Духовное чадо протоиерея Валерия Поведского, воспитанного в духовной школе маросейской общины святых Алексия и Сергия Мечевых, Владыка Корнилий и сам во многом воспринял дух и отношение к богослужению из этого источника духовной традиции. Центром всего церковного бытия для него являлась богослужебная жизнь конкретной евхаристической общины, поэтому он всегда радел о проведении соборных богослужений, когда вся полнота Эстонской Православной Церкви собиралась под его омофором для участия в Евхаристии. Такая практика обеспечила внутреннее единство нашей Церкви в критические периоды её жизни. Сейчас личность и жизнь самого Владыки Корнилия – это часть истории Эстонской Православной Церкви. Он не мыслил своего бытия без Церкви, в его жизни невозможно было провести границу между личным и церковным, церковная жизнь была его дыханием. Таким же дыханием для него была и молитва. До конца своих дней Митрополит не оставлял своего молитвенного правила. Когда сам уже не мог читать, эта обязанность легла на плечи родных и близких, которые в последний год его жизни неотступно пребывали с ним. До этого времени он обслуживал себя сам и ни за что не соглашался на келейника, боясь потерять своё драгоценное одиночество: одиночество не как обособленность от мира, а как не-

разлучное пребывание с Богом. В ежедневном молитвенном правиле неопустительны были три канона и малое повечерие с канонам дня, утренние и вечерние молитвы. Ещё во время своего служения приходским священником, Владыка интересовался Иисусовой молитвой – сохранилось много его выписок из святоотеческой литературы на эту тему; особо почитал валаамских старцев, лично соприкоснувшись с ними в послевоенное время в Псково-Печерском монастыре, руководствовался их наставлениями. Сам же начал практиковать умную молитву, пожалуй, лишь в последние десять лет своей жизни, до этого считая себя недостаточно зрелым для столь высокого делания. Он был прост в общении, открыт людям. Двери его сердца были, можно сказать, распахнуты, если не для всех, то для многих, в том числе простых прихожан, которых он принимал с любовью. Это качество он воспринял не только от «Таллинского пастыря» о. Валерия Поведского, но также и от протоиерея Михаила Ридигера, родителя Святейшего Патриарха Алексия II, в котором он видел пример жертвенного служения людям. Его не смогла сломить и лагерная система. За хранение книг религиозного содержания и беседы с верующими Владыка был осуждён на 10 лет. А он, по свидетельству тех, кто с ним разделял заключение, чувствовал себя во всех ситуациях благодушно, воспринимая все как волю Божию. Так, имея непоколебимую веру в благой Промысл Божий, он поддерживал и укреплял духовно своих сокамерников, среди которых было немало служителей других христианских деноминаций. Владыка Корнилий хорошо чувствовал и любил русскую классическую литературу, церковное пение и старался приобщить к этому сокровищу молодёжь.

Жизнь он проводил довольно тихую, больше наставлял своим примером. Даже со слабым зрением, со слабым слухом, когда каждый шаг, каждое движение дается с болью, он не оставлял богослужения. Для нас, молодых священнослужителей, это являлось безмолвным наставлением. В последние годы Митрополит очень сосредоточенно молился за Литургией, не обращая внимания на что-либо внешнее и как бы уходя внутрь себя. Если за вечерним богослужением он ещё мог дать какие-то распоряжения, решая неотложные дела, то за Литургией – «всякое ныне житейское отложим попечение» (из Литургии свт. Иоанна Златоуста). Для меня лично общение с Владыкой Корнилием – это возможность соприкоснуться с поколением священнослужителей той, старой, ещё дореволюционной школы. Нелегко давать оценку деятельности великих людей, для этого необходимо самому хоть в какой-то степени приблизиться к их духовной мере. Нелегко рассмотреть «сокровище сокровенно на селе» (Мф. 13-44) через завесу человеческих отноше-

ний, когда каждый день находишься в самом тесном общении с человеком. Необходимо время, чтобы всё преходящее, незначительное, временное отошло на второй план и дало возможность высветиться внутреннему богатству человеческой личности. В силу иерархичности церковной жизни, вся деятельность Церкви замыкается на правящем архиерее – ничто не делается без его благословения, и при длительном правлении многим начинает казаться, что церковная жизнь без полюбившегося народу Предстоятеля словно бы и невозможна. Но не будем забывать, что Церковь, как на некоем незыблемом фундаменте утверждается на «Самом Иисусе Христе – краеугольном камне» (Еф. 2-20) и поэтому Эстонская Церковь наша скорбит об утрате, но не колеблется. Полноводной рекой течёт приходская жизнь, все церковные структуры работают в обычном порядке, в полном составе действует Синод. Будем смотреть в будущее с оптимизмом, завещанным нам Владыкой Корнилием.

Епископ Маардуский Сергей

«ЛЮБОВЬ ПЕРЕЖИВЁТ ВСЁ»

Сегодня, прощаясь с Владыкой Корнилием, провожая его последним «прости», мы все молимся о душе усопшего архипастыря.

Нелегко принять событие смерти. Вчера ещё Владыка был жив, был исполнен надежд, забот, замыслов, а ныне он бездыханным покоится перед нашим взором. Ни одно событие не совершается без воли Божией, но как трудно всем, кто знал усопшего, примириться с тем, что ныне он от нас взят. Вряд ли что-либо иное испытывает нашу веру сильнее.

И как не вспоминать при этом долгую по человеческим меркам жизнь Митрополита Корнилия, испытавшего неволю, сохранившего в тяготах бытия стойкую веру во Христа, много и плодот-

ворно потрудившегося во благо Православной Церкви! Как не вспомнить наши с ним встречи, сокровенные, искренние, от сердца к сердцу, разговоры, как не вспомнить постриги в мантию сестер Пюхтицкой обители, которые по благословению Святейшего Патриарха совершал Митрополит Корнилий. Да и я, грешная, тоже приняла постриг от руки почившего Владыки. Не забыть, как после совершения таинства он спустился к нам, постриженницам, и попросил святых молитв – но не о себе, а о святой Церкви на Эстонской земле, которую ему благословлено было возглавлять, о судьбе которой он молился, интересы которой стремился отстаивать. Владыка всегда болел сердцем о состоянии Церкви, о Её жизни, и свидетельства его попечения о ней

мне видятся в большом количестве пастырей, хиротонию которых он совершал, в строительстве храмов, но

более важное – его отношение к пастве. Как легко было к нему подойти и договориться о встрече! Многие

прихожане рассказывали и рассказывают о его доступности, простоте, общительности, что – увы – так редко, а порой и невозможно в наше непростое время.

И искренние молитвы паствы о упокоении новопреставленного Митрополита Корнилия – разве это не самое лучшее свидетельство о том, что память об архипастыре будет жить и возгреваться любовью

и благодарностью. Именно любовь паствы и будет свидетельствовать пред Богом о том, какую непростую и достойную жизнь прожил Митрополит. Именно эта любовь переживёт всё. Забудутся события, вызванные человеческой слабостью, истлеют огорчения и переживания человеческого самолюбия, и память сохранит только нашу любовь, нашу благодарность, нашу

глубокую признательность. Они перейдут в вечность и никогда не исчезнут из благодарных сердец.

Сегодняшняя скорбь и слёзы понятны. Есть разлука на земле, есть горечь, всегда сопутствующая этой разлуке. Но сегодня сердцем радуешься тому, что для усопшего в смерти нет разлучения от Бога, Которому он всю жизнь служил и стремился к соединению

с Ним. Для Владыки смерть – тот путь, через который он предстанет пред лицом Господа. Бог – Спаситель мира. Господь сказал: «Я пришёл не судить мир, но спасти его». Верю, что Владыка предстанет пред Тем, Кто есть Спасение и Воскресение наше.

Христос Воскресе!
Игумения Пюхтицкого монастыря Филарета (Калачёва)

ИЗ НАДГРОБНОГО СЛОВА ДУХОВНИКА ТАЛЛИНСКОЙ ЕПАРХИИ

Христос Воскресе!

Дорогие... Владыка благословил мне сказать слова от его лица. Это трудное задание, но послушание – сильное дело. Сам Владыка был всегда послушником, послушником Христа Бога и послушником Святой Церкви.

Перед нами лежит добрый Пастырь. Господь сказал апостолу Петру после его сокрушения: «Любишь ли ты Меня больше чем другие!» Он трижды задавал этот вопрос. Сейчас я передаю это сокращенно. И суть в том, что «если ты меня любишь, то паси овцы Моя». Этим был занят наш дорогой Владыка, Митрополит Корнилий. Он был добрым Пастырем. Он не стремился к архиерейству, он принял это смиренно, как послушание. И, видимо, это было благодатным условием, чтобы Бог мог его укрепить всегда, потому что сила Божия в немощи совершается, а Владыка всегда стремился к тому, чтобы познавать всё с Божией помощью – своим делом он и познавал. И по слову преподобного старца Паисия Святогорца: «Если завтра будет лучше чем сегодня, оставлю тебя на завтра. Если послезавтра будет лучше, чем завтра, оставлю тебя на послезавтра....», так получилось, что наш дорогой Владыка прошёл долгий жизненный путь, очень долгий. И стоял около Престола чуть больше 70-и лет. Это невозможно без Божией помощи. И то, что здесь присутствует помощь Божия, явно.

Он очень любил своего родного

отца. И мы видим силу благословения отца его. Отец его подарил ему в молодости святое Евангелие и внутри этого евангелия написал ему слова любви, писал так: «День и ночь молюсь за тебя, дорогой мой Вячеслав, чтобы ты всегда был бы честным и искренним». Там еще было сказано, Владыка показал мне этот текст, но сама суть была в этом. И всегда старался наш дорогой Владыка соблюдать это быть честным и искренним.

Он считал себя грешным, он искренне раскаялся, он серьезно готовился к смерти. Вся его жизнь была привязана к Престолу Божию. Он очень любил св. пр. Иоанна Кронштадтского, который всегда изображается на иконах с Чашей в руках, и Владыка любил держать Чашу в руках – всегда исповедовал всё, что мог, а мог он, дорогие, благодаря тому, что служил Литургию. И это так.

Он очень заботился о судьбе нашей Церкви. Он, как никто другой, глубоко чувствовал состояние Церкви.

Пятого поколения гражданин Эстонии. Он дышал дыханием Церкви, а дыхание Церкви – это дыхание Духа Святого, это дыхание Христова, и Владыка это стяжал в течение всей своей жизни, стяжал и искал, и во многом приобрёл. Бог всему Судья. Слава Богу за это, что Господь нашего Владыку так посвятил. Видите, дорогие, Владыка облачился такою ризой – мы, после того как его душа разлучилась с телом, его одевали. Облачение это – подарок благодатного старца Иоанна Крестьянкина, который был его духовным отцом.

«Ризу мне подаждь светлу, одеяйся светом, яко ризою, многомилостиве Христе Боже наш»! В чем эта светлая риза? Это риза смирения. И Владыка глубоко осознал, что без смирения нет христианской жизни. И поэтому он всегда каялся, всегда был послушным, потому что смирение можно стяжать только через послушание. И мы, грешные, малые свидетели вокруг него, тоже старались тому же следовать – стяжать смирение. Как говорит пророк Давид: «Боже милостив, благо мне яко смирил мя еси». Чувствуется, что Владыка сейчас носит эти слова – в душе. И он, когда совсем недавно стоял тут, на амвоне, произнёс Пасхальную речь, принял пасхальное поздравление от собрата, сослужителя – другого архиерея, и когда он благодарил за эти добрые слова, то в конце произнёс этому молодому архиерею: Аксиос, Аксиос, Аксиос! Имеющие уши да услышат! Потом владыка сугубо попросил, чтобы я передал всем присутствующим его сердечное благодарение.

Мы с вами служили Литургию, и суть её – евхаристия, то есть благодарение. Мы вместе благодарили Бога и теперь передадим слова Владыки. Всем он выражает огромную благодарность, он был умилен этой заботой, этой любовью, которой его окружили, особенно в конце его жизни. Владыка Корнилий был таким человеком, который любил одиночество, но потом уже понял, что нельзя быть одиноким дома, и тогда его окружали любящие его люди, сродники, наши церковные послушники.

Владыка за это очень и очень благодарен. И благодарим и мы, братья и сестры. И то, что Владыка имеет хорошее свидетельство от внешнего мира – это тоже великое дело. Это его сугубый дар, дар для внешнего мира, несмотря на все сложности.

Помоги, Господи, нам молитвами Высокопреосвященнейшего Владыки, Митрополита Корнилия. И как он много раз нам говорил: «Мир Вам», надеемся, что он и сейчас нам произносит: «Мир вам!» И надеемся, дорогие, тот мир, который только один Господь может давать: «Мир даю Вам» – Он говорит. Этот мир до нас доходит молитвами и благословением нашего дорогого Митрополита Корнилия. Аминь.

Протоиерей Иувеналий Каарма

СОБОЛЕЗНОВАНИЯ В СВЯЗИ С КОНЧИНОЙ ПРЕДСТОЯТЕЛЯ ЭСТОНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА МИТРОПОЛИТА ТАЛЛИНСКОГО И ВСЕЯ ЭСТОНИИ КОРНИЛИЯ ВЫРАЗИЛИ:

Митрополит Минский и Заславский Павел, Патриарший экзарх всея Беларуси, **Митрополит Ростовский и Новочеркасский Меркурий**, председатель Синодального отдела религиозного образования и катехизации, **Митрополит Барнаульский и Алтайский Сергей**, **Епископ Кронштадтский Назарий**, наместник Свято-Троицкой Александро-Невской лавры, викарий Санкт-Петербургской епархии, **Архимандрит Тихон (Секретарёв)**, наместник Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря,

Архиепископ Урмас Вийльма, глава Эстонской Евангелическо-Лютеранской Церкви, **Епископ-эмеритус ЭЕЛЦ Эйнар Сооне**, Президент Совета Церквей Эстонии епископ-эмеритус ЭЕЛЦ **Андрес Пыдер**, **Митрополит Стефанос**, глава Эстонской Апостольской Православной Церкви, **Епископ Филипп**, Апостольский Администратор Католической Церкви Эстонии, Главный раввин Эстонии **Шмуэль Кот** и председатель правления еврейской религиозной общины Эстонии **Борис Оке**,

Эрки Тамм, президент Эстонского Союза приходов евангельских христиан и баптистов, **Брат Алоис**, приор Тэзе

Президент Эстонской Республики Керети Кальюлайд, **Премьер-министр Эстонии Юри Ратас**, **Посольство Российской Федерации в Эстонской Республике**, **Посольство Республики Беларусь в Эстонской Республике**, **Е.И.В. Василевс Владимир Горшков-Кантакузен**, глава Византийского Императорского Дома Кантакузенов **Депутат Европейского Парламента Яна Тоом**, **Грачья Погосян**, президент Благотворительного фонда имени Погосяна Грачьи Мисакевича, **Профессор В.А. Алексеев**, президент Международного общественного Фонда единства православных народов, председатель Нарвского Городского собрания **Александр Ефимов**, Оперная певица и воспитанница детского хора «Радуга» **Мария Веретенина** и другие.

ВЛАДЫКА КОРНИЛИЙ – СВИДЕТЕЛЬ ЭПОХИ

Я родился в Таллине в 1924 году, при Патриархе Тихоне. В то время Эстония была самостоятельной республикой. Таллинскую кафедру тогда возглавлял митрополит Александр (Паулус), два раза переходивший под омофор Константинопольского Патриарха, а в 1944 году и вовсе покинувший свою паству и сбежавший в Швецию, где через несколько лет образовал так называемый «Синод Эстонской Православной Церкви в изгнании».

Мой отец, Василий Васильевич Якобс, дворянин, потомственный военный, полковник Белой армии, оказался в Эстонии с остатками войск Юденича. Его родители имели собственный дом в Санкт-Петербурге. Мой дед, генерал-майор Василий Христианович (Христофорович), бабушка

и другие родственники отца похоронены на Петербургском Новодевичьем кладбище.

Мать, Татьяна Леонидовна, происходила из известной в Ревеле (Таллине) купеческой семьи Епинатьевых, потомственных почётных граждан Ревеля, получивших впоследствии дворянство. Она вышла замуж, едва окончив гимназию.

Мои предки по материнской линии, купцы Епинатьевы, начиная с прапрадеда Димитрия Михайловича, традиционно были прихожанами Никольской церкви на улице Вене, считавшейся купеческой. В Никольской церкви венчали и отпевали всех наших родных по материнской линии, а хоронили усопших на Александро-Невском кладбище.

В той же Никольской церкви крестили и меня — в честь благоверного князя Вячеслава Чешского. Отец до самого своего ареста в 1941 году всегда был рядом, много занимался со мною. Он навсегда остался в моем сердце самым близким и дорогим человеком.

Когда пришло время учиться, меня отдали в школу, принадлежавшую Дому русского ребёнка, размещавшуюся в помещении бывшей Казанской приходской школы. Очень маленькая школа, с очень небольшим коллективом и малым количеством учеников. Но мой церковный путь начался именно при Казанской церкви. В школе царил атмосфера, в которой формировалось моё христианское мировоззрение. Заведующей школой была Татьяна Евгеньевна Дезен, активный деятель Русского студенческого христианского движения (РСХД)

в Таллине. Мученический конец её жизни стал свидетельством цельности этой натуры, оказавшей огромное воздействие на выбор моего пути. Работа Татьяны Евгеньевны была сосредоточена на христианском просвещении молодёжи. Как она заявила позже на допросе в НКВД, вся её деятельность была устремлена на то, чтобы воспитать людей в христианской вере и на править против материалистической идеологии.

Школа была рядом с церковью. На переменах нас выпускали в церковный двор, мы бегали, играли в мяч — всё около церкви. В этом же доме, на втором этаже, жил пожилой настоятель храма отец Василий Каменев, седой, очень почтенного вида. Каждый день перед началом уроков он читал молитвы и небольшой отрывок из Евангелия, а потом преподавал Закон Божий.

Существовала традиция: на 6-й

Неделе Великого поста всей школой говеть. Мы ходили на богослужения, на Литургии Преждеосвященных Даров. Все ученики школы становились рядами со стороны Казанской иконы Божией Матери. В пятницу вечером бывала исповедь, а в субботу мы причащались. Исповедь проходила очень таинственно, у аналоя священника стояла ширмочка... Мы все причащались, причём на причастие старались надеть праздничную одежду и никогда не подходили к святой чаше в пальто, а снимали его перед причащением. Потом для всех в школе устраивали чай. Думаю, что близость школы к церкви и отношение к нам церковных людей оказали на меня сильное влияние.

С детских лет меня тянуло в храм, мальчиком я начал прислуживать в Казанской церкви, там же я учился петь, читать, звонить в колокола. Потом я стал иподиаконом у Владыки Павла (Дмитровского), приезжавшего поначалу из Нарвы, а после бегства митрополита Александра переехавшего в Таллин. Стоял я с посохом и у митрополита Виленского и Литовского Сергея (Воскресенского), экзарха Латвии и Эстонии, во время его посещений Эстонии.

В те годы я читал духовную литературу, общался со священниками, служившими в Таллине и во многом повлиявшими на мою дальнейшую судьбу: с отцом Иоанном Богоявленским (будущим ректором ЛДА, а затем епископом Таллинским и Эстонским), с отцом Михаилом Ридигером, с отцом Александром Осиповым (мне до сих пор непонятно и

горько, что он потом стал безбожником), с отцом Ростиславом Лозинским и, конечно, с отцом Валерием Поведским.

Вместе с Владыкой Павлом мне посчастливилось присутствовать в 1945 году на Соборе Русской Православной Церкви и интронизации Святейшего Патриарха Алексия I. Я был поражен величием и мощью Церкви, ее силой, которая ощущалась, несмотря на тяжелое время.

15 июля этого же года я женился на Татьяне Петровне Соловьевой, которая работала машинисткой в Епархиальном управлении, где мы и познакомились. Она была глубоко верующим и очень талантливым человеком. Она была музыкальна, училась некоторое время в консерватории по классу фортепиано, пела в Симеоновской церкви, окончила художественное училище (теперь Таллинская художественная академия), занималась в иконописном кружке, была активной участницей РСХД. Я же много общался с отцом Михаилом Ридигером, который тогда был председателем Эстонского отделения РСХД. Таким образом, у нас было много общего. Вся наша жизнь тогда проходила при Церкви.

В день праздника Преображения Господня Владыка Павел рукоположил меня во диакона, и я стал служить в Казанской церкви, а в 1947 году поступил в Ленинградскую духовную семинарию на один курс с Алексеем Ридигером (впоследствии — Патриархом Московским и всея Руси Алексием II), правда, заканчивать семинарию пришлось заочно, так как нужно было обеспечивать семью.

8 февраля 1948 года епископ Исидор (Богоявленский) рукоположил меня во священника, назначив на очень сложный смешанный эстонско-русский Марии-Магдалинский приход в курортном городке Хаапсалу.

Приход этот был очень бедным. Многое пришлось делать своими руками: чинить крышу, красить и приводить в порядок не только здание, но и ризницу, утварь и т.п. Не было еще опыта работы с людьми, а приходилось служить на двух языках: славянском и эстонском. Но постепенно приход ко мне привык. Во многом помогала мне моя матушка Татьяна Петровна. Она пела в любительском церковном хоре, а когда накануне Великого поста на второй год моего служения неожиданно ушел псаломщик, стала читать в храме.

Постепенно приход к нам привык, а когда из-за болезни жены нам потребовалось переменить климат и уехать из Эстонии, провозжали нас очень сердечно. Много лет спустя мне доводилось иногда приезжать в Хаапсалу и служить, и прихожане встречали меня с радостью.

В 1951 году мы переехали в Вологду, под омофор епископа Гавриила (Огородникова). Для моей се-

мьи выделили половину церковного дома, недалеко от храма. Занимали мы две комнаты с кухней. Потолки низкие. Удобств никаких. Отопление печное. Воду приходилось носить с колонки, которая находилась на углу улицы. Электричества не было — только керосиновые лампы. Но при доме был большой земельный участок, на котором я посадил яблони, кусты, картошку; к большому недоумению вологжан разбил сад, в котором было много самых разных цветов. В Вологде цветов на участках не сажали. Только на склонах канав для воды перед домами в изобилии росли космеи. Так что наш сад стал чуть ли не достопримечательностью!

Жизнь церковная была очень интенсивной. Владыка Гавриил служить любил и совершал богослужения очень часто. Жил он при кафедральной церкви в бывшей кладбищенской сторожке без особых удобств. В Вологде мне пришлось служить под его непосредственным руководством. Епископ Гавриил был достаточно требовательным к исполнению богослужений и треб. Отчасти он и сам осуществлял духовное руководство приходившими в храм людьми. Человек духовно настроенный, он знал церковный устав, почти ежедневно бывал в храме и если сам не служил, то стоял в алтаре и молился. Богослужения совершались каждый день утром и вечером, в будние дни — в нижнем, а в праздники — в верхнем храме. В великие праздники совершались две Божественные литургии — в верхнем и нижнем храме. Нагрузка на духовенство была большая, так что назначение пятого священника было вполне оправданным. Число священников менялось от трёх до шести. Конечно, когда оставалось только трое, бывало очень трудно. Тот, кто служил раннюю обедню, потом совершал все требы. Много приходилось крестить, иногда более ста крестин за один раз.

Будучи клириком Богородской кафедральной церкви в Вологде, я изъездил и исходил пешком почти всю Вологодскую епархию, где в то время оставалось всего 17 приходов. Это удивительный религиозный край, не даром его называли «Северной Фиваидой». В этих поездках мне приходилось совершать практически все требы, начиная с крещений (иногда крестились целой деревней) и кончая отпеваниями.

Пять с половиной лет прослужил я в Вологде, о которой сохранил самые тёплые и светлые воспоминания. С некоторыми вологжанами переписываюсь и общаюсь до сих пор. Хотя вологодский период был не таким уж продолжительным, все пережитое в этом святом, насыщенном духовностью краю оставило в моей душе глубочайший след.

Дом наш был открытым, приходило много молодёжи и ко мне, и к Татьяне Петровне. Мы беседовали не только на духовные темы, но го-

ворили и о литературе, искусстве, музыке.

Из Эстонии мы привезли хорошую библиотеку. Мне следовало бы своевременно все перебрать и ликвидировать те книги, которые могли показаться подозрительными, а я, по наивности, все сохранил. Были вырезки из газет с иллюстрациями, со статьями духовного содержания, я их хранил, давал читать, если меня просили.

Поскольку вологодский климат не оказал благотворного влияния на здоровье Татьяны Петровны, мы решили вернуться на родину в Эстонию, где жили наши родители, родные и друзья. Епископ Таллинский и Эстонский Иоанн (Алексеев) обещал мне освободившийся Николаевский Коплиский приход в Таллине. Но Владыка Гавриил просил подождать до Пасхи.

Стали понемногу собираться. Все книги заколотили в ящики, а на следующий день — 27 февраля 1957 года — органами КГБ Вологодской области я был арестован и отправлен во внутреннюю тюрьму при управлении КГБ, где около четырёх месяцев провёл под следствием.

Когда пришли с обыском, пришлось все книги из ящиков вынимать. Каждую строчку старались определить как антисоветскую. В вырезках из газет на обратной стороне интересной статьи могла быть какая-нибудь антисоветская статья без начала и конца. Ничего существенного. Но все это мне инкриминировали. Из книг в моем деле фигурировали «Христианство и классовая борьба» Бердяева, потом «Былина о Микеле Буяновиче» и ещё пара книг. Изъяли гораздо больше, но ничего потом не вернули. Должен сказать, что у меня обид ни на кого не было, ведь, давая читать что-то людям, я считал, что приношу духовную пользу, и меньше всего предполагал, что можно мои действия истолковать как антисоветские!

Я получал командировочные удостоверения, когда ездил по вологодским районам с требами. К тому времени, как меня арестовали, их скопилось целая пачка. На следствии эти командировочные служили отягчающим обстоятельством.

Меня поместили в одиночной камере, но я не голодал — в тюрьме кормили, да и передачи мне передавали. Меня очень интересовало, как отнеслись к моему аресту прихожане. Осуждают или сочувствуют? По передачам, по тому, что передавали, я догадался, что посылают не только из дома, но и из других мест. Переписка с женой мне разрешалась. На свидании я узнал от неё, что по городу распространяются слухи о том, что «попа посадили, который в причастие как клал». Она как-то слышала это сама, когда в магазине стояла в очереди.

Начались допросы. Был собран материал. Следовательно как-то вынул конверт, в котором была масса семейных фотографий. Откуда он их взял?..

Без конца вызывали разных свидетелей. Таскали на допросы всех близких к нам, тех, кто часто бывал у нас дома. У одной нашей знакомой были парализованы ноги, так её привозили для допросов на инвалидной коляске. А иногда устраивали и очную ставку. Задавали провокационные вопросы. Некоторые давали показания. Я не могу обвинять, что они хотели меня засадить или что-либо сделать. Но кто-то был напуган, а кто-то, наоборот, держался смело и независимо, и ничего с ними поделать не могли.

Наконец состоялся суд. Обвинение мне было предъявлено по статье 58.10 «Хранение и распространение антисоветской литературы и клевета на советскую действительность», причём по второй её части. Во второй части 25 лет можно было дать... Суд рассмотрел дело, а в нем было нарушено два пункта, которые адвокат опровергла, и их не смогли включить в обвинение. Суд переквалифицировал обвинение со второй части на первую, и приговорили меня к десяти годам лишения свободы. После суда меня этапировали через московскую пересылочную тюрьму «Красная Пресня» в мордовские лагеря «Дубровлага».

Надо сказать, что я отбывал заключение в сравнительно лёгкое время: не было ни пыток, ни избиений, ни изнурительных работ и голода. Все происходило в рамках законности: протоколы и все прочее. В лагерях, в бараках, где мы работали, было тепло, так как мы делали мебель, и тепло было необходимо. Остававшийся материал можно было уносить, чтобы топить свои печи. Решёток на окнах не было, бараки не запирались.

Но заключение есть заключение — я был лишён возможности быть среди родных и близких. На архиерейской хиротонии я сказал, что «пришлось пробыть среди чужих и чуждых мне», но все же не совсем чужих и чуждых, потому что при-
велось встретить многих интересных и замечательных людей: духовенство и верующих самых разных конфессий. Страш-

ных рассказов не было, но все-таки на протяжении этого времени было много такого, что запечатлелось в памяти и, наверное, останется на всю жизнь.

Что представлял собой лагерь? Это была интернациональная компания. Кого там только не было! Украинцы («бендеровцы», воевавшие на западе против советской власти), латыши, литовцы, татары, калмыки... Эстонцы, «лесные братья» — «метсавеннад». Был там один молодой эстонец, которому дали по 25 лет по всем пяти пунктам.

Общим язык был, конечно, русский, но эстонцы, даже отсидевшие по много лет, так и не научились правильно говорить по-русски. Меня постоянно брали переводчиком.

Также там была русская молодёжь, все студенты, в основном — «язычники», то есть те, кого посадили за болтовню антисоветскую. С одним из них я был и до сих пор остался в очень добрых отношениях. Это Никита Кривошеин, племянник Владыки Василия (Кривошеина). Они репатриировались из Парижа в Россию после войны. Сначала отца посадили, потом и Никиту. После освобождения из заключения ему было предложено навсегда уехать из России, и он вернулся в Париж. Мы изредка переписывались, а когда Никита приезжал из Парижа, встречались как старые друзья.

Отбывало свои сроки и разное духовенство, но уже не было такого высокого уровня, как когда-то на Соловках, где сидели епископы, богословы, учёные, цвет интеллигенции. Здесь уровень был пониже и среди недуховных, и среди духовных. Епископов не было, один только униатский митрополит Иосиф Слипый отбывал второй срок. Когда его привезли, все униатские священники встречали его у ворот, как на архиерейской встрече, целовали ему руки. Но Слипый недолго пробыл — его на какого-то советского шпиона обменяли, и он попал в Ватикан. Я с ним мало общался, но он производил впечатление гордого и надменного человека.

Особенно много иеговистов мне встретилось, но были и пятидесятники, и униаты, и католики.

Униаты и католики служили мессы. У них были крестик с мощами, на котором и совершалось Таинство Евхаристии. Рядом с моей койкой была

койка униатского священника. Они платочек разложат, поставят чашечку, в неё из изюма выжмут сок, кусочек булки вырежут... Мы так не делали. Мне жена по благословению нашего духовника, отца Валерия Поведского, привозила Святые Дары. Как пронести? Как сделать, чтобы не попало в руки чекистов — всё ведь проверяли. Но придумали: в целлофановом мешочке — сухари, а там, в середине, ещё маленький целлофановый мешочек, в котором Святые Дары. Если проверяют, можно сказать, что сухари. Мы причащались индивидуально. В каптёрке собирался наш «актив», там и совершалось богослужение.

Как-то иду вечером, слышу: наше всенощное бдение, смотрю: сидят три старичка и всю всенощную поют, и так поют, что на душе стало хорошо, светло.

В конце концов жена мне нашла хорошего адвоката, который добился пересмотра дела, и мне сократили 10 лет на 5. Я три с половиной года отсидел, и зачётов набралось на полтора. Зачёты — это когда на каждый рабочий день дополнительно зачитывался ещё один день, потом стали сокращать на полдня, на четверть. В общей сложности у меня набралось на полтора года этих зачётов, и можно было освободиться. Когда у меня набралось уже пять лет, меня представили на освобождение, а тут распоряжение — расконвоировать.

12 сентября 1960 года закончился срок моего заключения. После нескольких дней волокиты с оформлением документов на получение паспорта нас, целую группу освобождённых заключённых, отправили на станцию Потьма, откуда я добрался до Москвы, повидался там с друзьями и сел на поезд в Таллин, где меня встречали родные. Прямо с вокзала мы поехали в Казанскую церковь, где уже ждал отец Михаил Ридигер. Он отличался удивительной пастырской сострадательной любовью к людям и со слезами отслужил благодарственный молебен перед чудотворной Казанской иконой Божией Матери. Все плакали от радости, что пришёл конец разлуке. Свою младшую дочь Марию я не видел все эти годы, а когда меня арестовали, ей было всего два с половиной года, так что она выросла без меня. Со старшей, Еленой, которой в 1957 году было 11 лет, я переписывался, и она даже приезжала ко мне в лагерь вместе с моей матерью.

Пока я отбывал свой срок в заключении, Татьяне Петровне с младшей дочерью (старшая в то время жила у бабушки и приезжала только по субботам и воскресеньям) предоставили возможность жить в комнате бывшей церковной сторожки Иоанно-Предтеченской церкви в Нымме, где она была псаломщиком и пела в церковном хоре. Там поселился и я.

В Ныммеской церкви престаре-

лый настоятель, протоиерей Христофор Винк, которому было уже за 80, ожидал моего освобождения, чтобы передать мне Иоанно-Предтеченский храм. Для меня это было полной неожиданностью — мы с ним почти не были знакомы. Но отец Христофор, уволившись за штат, решил продолжать служить до тех пор, пока я не выйду на свободу. Он очень ценил мою жену как псаломщицу и певчую. Таким образом, благодаря отцу Христофору я сразу же оказался при церкви и, хотя не имел ещё права служить, получил возможность бывать на богослужениях, без которых так трудно было все эти годы в лагере. Только 4 ноября я получил, наконец, указ о назначении в Иоанно-Предтеченскую церковь.

Вся структура церковной жизни в Нымме была налаженной. Отец Христофор был организатором строительства Ныммеского храма, собирая деньги буквально по крупицам. Предтеченская церковь — его детище. Меня окружали очень хорошие, искренние и приятные люди, начиная с самого отца Христофора, человека интеллигентного, широких взглядов, знатока церковного пения и классической музыки (до того как стать священником, он был регентом хора Нарвского Воскресенского собора). У отца Христофора имелись свои композиции, и его трудами был создан обиход церковного пения на эстонском языке.

Когда я стал настоятелем, отец Христофор приходил в церковь, но служил очень редко. Он читал поминания — по заведенной им традиции в специальный синодик вносили имена всех тех, кого отпевали в Ныммеской церкви.

Мне нравилось, что отец Христофор строго придерживался порядка ведения церковных дел. В приходе не было быстрых, легкомысленных решений — велась книга протоколов Церковного совета, в которой все решения фиксировались. Не могло возникнуть никаких недоразумений с назначениями, увольнениями или зарплатами. В этой книге было детально записано, какие ремонты проводились в церкви, что приобретено и т.п.

Отец Христофор вёл также цер-

ковную летопись, аккуратно записывая все приходские события и иногда своеобразно комментируя их. Он оставил мне её в наследство. Существовало правило, что каждый приход должен вести летопись. Эта летопись сохранилась — в ней была описана вся история создания храма, его украшения. Продолжая заведённый отцом Христофором порядок, я тоже все заносил в летопись.

Все окружение настоятеля было тоже пожилым, многие трудились вместе с ним с самого основания прихода. Средства на постройку собирались с трудом — народ там (русские эмигранты) был бедным, в Нымме селились те, кто не мог найти жилье в Таллине. Прихожане устраивали благотворительные вечера и лотереи для сбора средств на строительство церкви, обходили жертвователей с подписными листами. Храм изначально был очень бедным: перед освящением прихожане взяли лошадь и объехали таллинские церкви — кто что даст. Собирали крохи, но где русские люди, там должна быть и церковь.

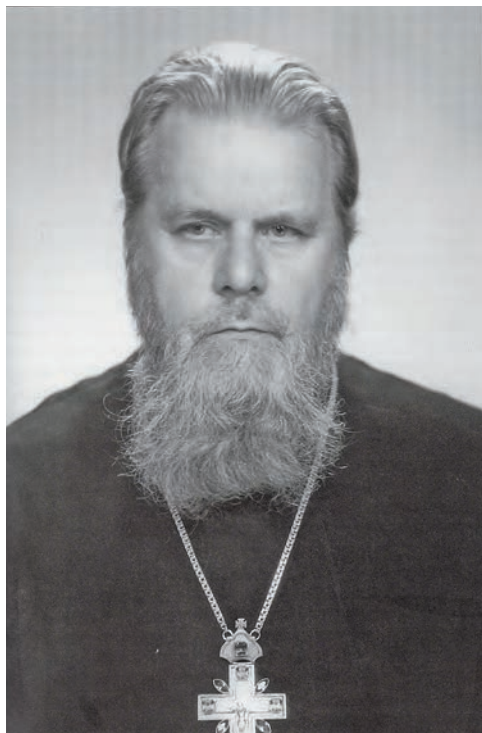
Вспоминая тот период и людей, с которыми мне довелось начинать, могу сказать, что потом приходилось работать и поддерживать «дипломатические» отношения ради пользы церковной с гораздо более трудными людьми...

К моменту моего назначения храм постепенно ветшал вместе со стареющим настоятелем, был в неважном состоянии. Постройка рассчитывалась на 25 лет. Предполагалось, что со временем вместо деревянного здания будет построена каменная церковь. Но обстановка изменилась, о строительстве в советское время не могло быть и речи, да и средств не было.

Я застал храм почти в том виде, в котором он был построен: многое так и осталось сделанным наспех, ризница была очень бедной. Правда, иконостас был хороший, большой — в 1939 году его привезли из закрытой церкви в Балтийском Порту (Палди-ски), и он стал украшением храма. К счастью, за время служения в Вологде у меня собралась какая-то утварь — все это очень пригодилось потом в Нымме: евангелия, кресты, чаши (это все и сейчас в Нымме).

Перед постригом

Назрела необходимость сделать и внешний, и внутренний ремонт, а средств не было, поэтому решили приводить храм в порядок постепенно. Наконец, сделали последний большой внутренний ремонт, вложив в него все до копейки, думали передохнуть. Но Господь судил иначе: начались несчастья — храм поджигали четыре раза. И два поджога вылились в настоящие большие пожары. В первый раз, в 1970 году, разбили стекло в алтаре, бросили четыре бутылки бензина, подожгли. В алтаре сгорело все, кроме престола, все иконы, кроме одной — «Всех скорбящих радости». Эта икона сорвалась со стены, упала вниз ликом и, когда мы её подняли, оказалась совершенно неповреждённой. Из алтаря огонь начал перебираться в храм, но идущей мимо электрички заметили пожар и вызвали пожарных.

Страшно вспомнить, в каком состоянии был алтарь! К счастью, ризницу, куда вела дверь из алтаря, огонь не тронул, так как не было тяги, и всё уцелело. А в алтаре и пономарке практически всё погибло. Сильно попортились иконы и в иконостасе, некоторые совсем сгорели. Пришлось снова приступать к ремонтным работам.

Второй пожар был в 1972 году. Разбили окно на лестничную клетку, ведущую на хоры и колокольню, из 10-литровой лейки вылили бензин и подожгли. Сила огня была такова, что стоявшая под лестницей купель для крещения, сделанная из очень толстого металла, просто расплавилась — осталась одна ножка. Огонь проник на хоры, а с хоров уже перешёл в храм. Алтарь на этот раз сохранился, но храм внутри выгорел очень сильно.

Пожар произошёл вскоре после окончания наружного ремонта. Церковная касса опять была пуста. Но горячо откликнулись верующие: немалую сумму собрали наши прихожане, жертвовали из других церквей, средства выделила Московская Патриархия, на просьбы о помощи откликнулись Пюхтицкий и Печер-

ский монастыри, настоятели некоторых наших храмов. Были пожертвования из Троице-Сергиевой лавры — от игумена Марка (Лозинского).

Очень помог протоиерей Николай Смирнов, который тогда был настоятелем московского храма святых мучеников Адриана и Наталии. Видимо, по Божию Промыслу к нему обратилась женщина, давшая обет, что если выиграет что-то по лотерейному билету, то часть денег пожертвует в церковь. Она выиграла автомашину. Отец Николай посоветовал ей передать эти деньги на восстановление нашего храма...

В 1974 году умерла моя жена. Здоровье её было подорвано ещё во время войны, когда она вместе с другими прихожанами таллинской Симеоновской церкви была арестована немцами за помощь русским военнопленным и отправлена в тюрьму. Серьёзным испытанием оказался и мой арест. Татьяна Петровна была мужественным человеком, никогда не жаловалась, никто не видел её слез. Но состояние её здоровья ухудшалось, осложняясь все новыми заболеваниями. Ни перемена климата (наш переезд в Вологду), ни лечение результатов не дали. Но тем не менее после моего возвращения из лагеря инвалидность у неё сняли и перестали платить пенсию. Посмеялись медики из комиссии: «Неужели муж-поп вас не прокормит!» Получал я тогда очень мало, а налоги брали с духовенства по тому времени очень большие. Дочери еще учились, так что нелегко нам жилось. Перебивались, как могли, был небольшой огорожок.

Ездили со старшей дочерью в колхоз, где собирали в ящики картошку, которую выкапывал трактор. Расплачивались с нами картошкой, и таким образом семья была обеспечена на зиму. Татьяна Петровна сама шила и перешивала и себе, и детям. Все было в доме старенькое. Но жили дружно и весело. Приходили к нам постоянно люди, для всех находилось и доброе слово, и чашка чая...

Приближался мой 50-летний юбилей. Я уехал во Псков, в Любятово, на престольный праздник, чтобы избавить жену от лишних хлопот. Семья осталась в Таллине. Татьяна Петровна сходила в воскресенье к обедне, а в понедельник 17 июня, около пяти часов, во время астматического приступа скоропостижно скончалась — остановилось сердце. Получив телеграмму, я сразу вернулся в Таллин. Проезжая через Печеры, заехал в монастырь, просил там молиться.

Удивительное дело, пока Татьяну Петровну не увезли в церковь, к нам все время шли люди: родные, друзья, прихожане, певчие... Все её любили. Отпевали её в день моего рождения, от которого я пытался убежать. Храм был полон народу, почти как на Пасху. Многие провожали и на кладбище.

Для меня это была невосполнимая потеря, перенести которую помогали дочери и приходская семья.

Я овдовел, но остался с близкими по духу людьми. Но, наверное, священнику необходимо всё узнать на своём опыте, чтобы лучше чувствовать переживания своих пасомых.

В 1988 году меня избрали делегатом на Собор Русской Православной Церкви, посвящённый 1000-летию Крещения Руси. Конечно, он проходил в обстановке куда более благоприятной, чем Собор 1945 года. И снова я был потрясён силой внутренних ресурсов нашей Церкви.

В 1990 году скончался Святейший Патриарх Пимен, а на его место был избран наш митрополит Алексей. Вскоре после интронизации Святейший Патриарх приехал в Эстонию и служил в нашем храме 7 июля, в престольный праздник — Рождество Иоанна Крестителя. Патриарху сослужили два епископа: епископ Истринский Арсений и Тапаский Виктор — настоятель Александро-Невского собора. Для прихода это было историческое событие. Конечно, всего народа храм не вместил, многие стояли на улице.

А потом мне пришлось расстаться с дорогим сердцу приходом, где я прослужил почти 30 лет. Патриарх Алексей предложил мне принять Эстонскую епархию. Не могу сказать, что это было неожиданно — других кандидатов практически и не было, так как нужно было владеть эстонским языком, знать местные традиции. Но я архиерейского сана не искал и к этому не стремился. Принял как волю Божию только потому, что понимал неизбежность такого поворота судьбы.

Моё служение в Ныммеской церкви закончилось монашеским постригом и возведением в сан епископа Таллинского.

Постриг в Псково-Печерском монастыре совершил наместник — архимандрит Павел (ныне архиепископ Рязанский и Касимовский). А моим восприемником стал замечательный батюшка — отец архимандрит Иоанн (Крестьянкин). До самой своей кончины он всегда с любовью относился ко мне, поддерживал советами и молитвами

15 сентября того же года состоялась хиротония во епископа Таллинского. Хиротонию совершали Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, митрополит Гельсингфоргский Тихон из Финляндии, архиепископ Тамбовский Евгений, архиепископ Новгородский Лев и епископ Тапаский Виктор.

Подводил меня при исповедании веры один из старейших клириков епархии — протоиерей Феликс Кадарик. В Божественной литургии приняло участие все эстонское и русское духовенство Эстонии.

Время моего архиерейского служения пришлось на очень сложный исторический период. Распался Советский Союз. Эстония первой заявила о своём выходе из СССР и желании быть самостоятельным национальным государством. Возника-

ли совершенно новые коллизии. Перестраивалась вся жизнь, появились новые тенденции. Ко всему этому надо было привыкать и приспосабливаться. Мне шёл 67 год, все уже воспринималось не так легко.

Архиерейский период моей жизни весь на виду. Возможно, я не всегда успевал быстро и правильно реагировать на события, в чём-то ошибался, шёл наугад. Но могу сказать одно: я всегда стремился поступать по совести, не принимать скоропалительных решений, продумывал каждый шаг и каждое назначение и перемещение духовенства, старался, по-возможности, созидать мир. Надеюсь, что моя паства верит мне и простит, если в чём-то я не прав.

Большая часть моей жизни прошла в прошлом веке. Я родился при святителе Патриархе Тихоне, был крещён при митрополите Александре (Паулусе), иподиаконовал у архиепископа Павла (Дмитровского), присутствовал на избрании и интронизации Святейшего Патриарха Алексея (Симанского), начал священствовать при епископе Исидоре (Богоявленском), проходил пастырское служение в Эстонии и в Вологде, отбывал заключение в лагерях Мордовии, служил под омофором нескольких архиереев, был на Соборе Русской Православной Церкви, посвящённом 1000-летию Крещения Руси, призван к архиерейству Святейшим Патриархом Алексием II, присутствовал на его отпевании в декабре 2008 года.

Последнее историческое событие, участником которого довелось быть и мне, — Архиерейский и Поместный Соборы Русской Православной Церкви и торжественная интронизация Святейшего Патриарха Кирилла.

Другие подробности моей жизни, тесно переплетённой с церковной историей, изложены в книге «О моём пути», в которой я, как мог, рассказал о пережитом за 85 лет.

(по материалам книги Митрополита Корнилия «О моём пути»)

Первая архиерейская Литургия

В номере использованы фотографии авторов:
Галина Пармаск, Виктор Фролкин, Александр Хмыров, Олег Беседин, Лилия Керро.

СЧЁТ ДЛЯ ПЕРЕЧИСЛЕНИЙ:

SEB Pank AS
EE55101022022097221
Moskva Patriarhaadi Eesti Õigeusu Kirik

ГАЗЕТА РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ
БЕСПЛАТНО ЧЕРЕЗ ПРИХОДЫ
ЭСТОНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ
ЦЕРКВИ
МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА

Заместитель главного редактора – иерей Вадим Годунов
Церковный цензор – протоиерей Леонтий Морозкин
Литературный редактор – Ольга Майер
Архивариус – Наталья Лесная
Поверенный издатель – Роман Алпатов